

Сунгуров Федор

**Уголок Тавриды:
Воспоминание об Алушке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор С.**
Уголок Тавриды: Воспоминание об Алупке / Сунгуров Федор – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-75925-0

ISBN 978-5-519-75925-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Чудный крымскій экипажъ, прекрасная тройка лошадей, быстро мчащаяся все время, замѣчательныя картины природы по пути-- все это располагаетъ къ благодушному и жизнерадостному настроенію, такъ что и не замѣтишь, какъ доѣдешь до Алупки.

Впрочемъ, первая четверть дороги отъ Севастополя къ Алупкѣ, идущая по пустынной, холмистой мѣстности, не особенно интересна. Здѣсь почти не на чемъ и глазамъ остановиться и отдохнуть. Въ сторонѣ только виднѣются одиноко стоящіе памятники Севастопольской войны: Французское кладбище, словно зеленый оазисъ среди пустыни и Англійское, расположенное на высокомъ, голомъ холмѣ. Вдали-же сипѣтъ Балаклавское ущелье съ едва замѣтнымъ голубымъ кусочкомъ моря. Въ общемъ, мѣстность унылая и однообразная.

Но версты съ 18-ой дорога становится живописнѣе. Идетъ она уже по мѣстности гористой, богатой растительностью. Вотъ мы минуемъ горное ущелье и передъ нами сразу развертывается вся, окаймленная синѣющими горами, Байдарская долина, со своимъ мягкимъ, ласкающимъ взоръ, колоритомъ. Это—сплошное море цвѣтовъ и зелени, плодовыхъ деревьевъ и луговъ, оживляемое серебрищейся извилистой рѣченкой и пріютившимися тутъ поселками съ рядами коренастыхъ вѣковыхъ дубовъ.

Незамѣтно мы поднимаемся все выше и выше къ Байдарскимъ горнымъ воротамъ, надъ которыми нависъ плотный, бѣловато-сѣрый туманъ, начинаю-

пцій постепенно пронизывать. Но здѣсь уже не до него: тутъ весь превращаешься во вниманіе только къ прелестямъ окружающей природы. Непрерывною цѣпью тянутся громадныя, высокія горы, сплошь покрытыя роскошными лѣсами. Горно-лѣсные ручьи тутъ и тамъ пересѣкаютъ дорогу; а изъ устроенныхъ по мѣстамъ около нихъ водоемовъ жадно пьютъ живительную влагу неуклюжіе, но сильныя волы, попарно запряженные въ скрипучія арбы. Добродушный татаринъ—Крымчакъ любезно сдвигаетъ съ дороги свою арбу, и мы, паломивъ лошадей, несемся опять лихо впередъ.

Наконецъ, поднялись мы на самую высокую точку горъ (2000 фута надъ уровнемъ моря), къ высѣченнымъ въ вершинѣ ихъ Байдарскимъ воротамъ, скрывающимъ пока отъ нашихъ глазъ все, падающее за ними. Поднявшійся ливень заставилъ насъ переночевать здѣсь на станціи; а на другой день, съ восходомъ солнца мы тронулись въ дальнѣйшій путь.—Лишь только проѣхали мы чрезъ узкія, но длинныя Байдарскія ворота, съ устроенной на верху ихъ площадкой, какъ передъ нами, словно по мановенію волшебнаго жезла, открылась дивная картина Южно-Крымскаго берега, лежащаго внизу, какъ бы въ глубокой пропасти у безграничнаго толубого моря. Отъ Байдарскихъ воротъ, съ страшной крутизны начинается уже спускъ на южный берегъ Крыма. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ приходится ѣхать причудливо извивающи-

мися зигзагами и передъ нами все время, какъ путеводный маякъ, виднѣется стоящая на утесѣ изящная Байдарская церковь, въ которой, заѣхавъ по пути, я долго любовался изящной роскошью внутренней отдѣлки, а главное—художественной живописью; особенно привлекають вниманіе образа: Маковского «Рождество Христово» и Урзукова «Тайная Вечеря».

Характеръ мѣстности, начиная отъ Байдарскихъ воротъ, мѣняется. Мы ѣдемъ на половинѣ горнаго хребта Яйлы по твердому и гладкому, какъ скатерть, шоссе, обнесенному каменнымъ барьеромъ, и до самой Алупки, не отрываясь, можемъ любоваться лежащимъ глубоко внизу безбрежнымъ моремъ, лѣсами и приморскими дачами, а вверху—волнистою цѣпью исполинскихъ скалъ, нависшихъ мѣстами надъ самой дорогой.

Но вотъ мы проѣхали надъ Симеизомъ, съ его дворцомъ и красивой, выступающей изъ моря, скалой «Дива» и невольно издалека еще, версты за четыре до Алупки, приковываемъ свое вниманіе къ возвышающейся надъ горною цѣпью и эффектно вырисовывающейся на фонѣ лазурнаго неба зубчатой коронѣ гигантскихъ размѣровъ. Это—увѣнчанная самою природой вершина Ай-Петри, господствующаго надъ лежащей у его подножія Алупкой, для которой онъ является характернѣйшимъ украшеніемъ, придающимъ всей Алупкѣ тонъ какой-то особенной красоты.

Проѣзжаемъ нѣсколько еще, и передъ нами во всемъ, наконецъ, величіи, во весь свой 600 саженный надъ уровнемъ моря ростъ, выступаетъ вѣнценосный красавецъ Ай-Петри. Его бѣловато-бурая съ тонко-синимъ оттѣнкомъ скалы совершенно отвѣсны, въ видѣ какого-то полуразрушеннаго, но еще грознаго замка, или неприступно-каменной стѣны съ выдавшимися кое-гдѣ неровностями, похожими на ребра; растительности на нихъ нигдѣ никакой—словно обглоданы всѣ. Только по темнымъ, отвѣснымъ расщелинамъ скалъ какимъ-то чудомъ приютились и прячутся тощія деревца, словно жалкіе пигмеи, разбѣянные исполиномъ Ай-Петри, послѣ дерзкаго, но неудачнаго приступа ихъ противъ него. Суровой красотой, дикой могучестью и какой-то загадочно-зловѣщей неподвижностью вѣетъ отъ неприступнаго Ай-Петри. Такъ и думается, что вотъ будто какой-то стражъ Тавриды—исполинъ смотрѣлъ, смотрѣлъ когда-нибудь на яростно бушевавшее внизу и устремлявшееся на землю море и вдругъ, грозно нахмуривъ сѣдые свои брови, надвинулъ корону на самые глаза, да такъ, съ напряженными мускулами и окаменѣлъ на вѣки; а безпощадное время, какъ пожемъ, усѣкало его могучій корпусъ, пока, наконецъ, не обнаружили его буроватія ребра. Подножіемъ каменнаго колосса, этого нерукотворнаго памятника геологическихъ переворотовъ Тавриды, служить шатрообразная гора «Крестовая», покрытая пушистымъ зеленымъ ков-

ромъ изъ густо разросшагося лѣса, чѣмъ еще сильнѣе отгѣняется обнаженность Ай-Петри, гармонирующая съ общимъ его грозно-величественнымъ характеромъ.

Наконецъ, мы оторвали отъ Ай-Петри свои глаза, чтобы снова полюбоваться и моремъ; но едва только успѣли сдѣлать это, какъ взоръ нашъ невольно, по пути, останавливается на промежуткѣ между горами и синѣющимъ моремъ; это пространство—море роскошной, сочной зелени садовъ, рощицъ и виноградниковъ, на фонѣ которой, оживляя горно-морской ландшафтъ, выдѣляется, какъ обитаемый островъ среди океана, красавица Алупка, живописно раскинувшаяся по спускающимся къ морю горнымъ террасамъ. Масса хорошенькихъ изъ сѣроватаго камня дачъ пестрѣетъ своими крышами, башенками и балкончиками въ перемежку съ купами пирамидальныхъ тополей и темно-зеленыхъ кинарпсовъ, съ высотой и стройностью которыхъ спорить только развѣ красивый минаретъ мечети въ серединѣ селенія. А надъ всѣмъ по красотѣ и грандіозности царить окруженный паркомъ сѣровато-зеленый Воронцовскій дворецъ изъ крымскаго порфира, (чудной архитектуры, въ видѣ средневѣковаго величественнаго замка), съ высокими зубцами и съ множествомъ башенъ и башенокъ по бокамъ и на горизонтальной крышѣ, красиво соединенныхъ между собою по три, по пяти вмѣстѣ. Вообще, сочетаніе синевато-бурыхъ скалъ Ай-Петри,

лазурнаго неба, нѣжно-голубого моря и утопающей въ морѣ разнообразной зелени Алупки съ горделиво стоящимъ княжескимъ дворцомъ представляетъ обворожительную картину.

Но вотъ нашъ экипажъ падъ самой уже Алупкой; ямщикъ затормозилъ колеса, и мы начинаемъ медленно спускаться. Въѣзжаемъ сначала въ извилистую улицу, въ которой видимъ только прислонившіяся къ огромнымъ камнямъ сакли съ набѣленными стѣнами и плоскими крышами, гладко убитыми глиной. Кругомъ развѣсистый грецкій орѣхъ, кусты кизила и виноградники. Это, такъ сказать, предмѣстье Алупки, здѣсь живутъ мѣстные туземцы—южно-крымскіе татары. Группы ихъ встрѣчаются намъ все чаще и чаще. Они останавливаются и провожаютъ своими глазами новаго пріѣзжаго, съ меньшимъ любопытствомъ разглядывающаго ихъ. Пожилыя женщины въ широкихъ платьяхъ, накинутыхъ на плечи шелковыхъ халатахъ и въ чадрахъ; молодыя дѣвушки въ цвѣтныхъ, перетянутыхъ кушакомъ, узкихъ блузахъ и въ вышитыхъ шелками или золотомъ тюбיתейкахъ, изъ подъ которыхъ болтается рядъ тонкихъ, длинныхъ косичекъ, окрашенныхъ, какъ здѣсь принято, въ оранжевую краску; черныя же густыя брови соединенны на перепосьѣ линіей черной краски.

Особенно характеренъ здѣсь типъ мужчинъ. При первомъ же взглядѣ на нихъ видно, (чего не замѣтно въ женщинахъ), что въ ихъ жилахъ те-

четь кровь не однихъ только татаръ, но и грековъ и генуэзцевъ, населявшихъ когда-то Крымъ. Всѣ они темные брюнеты и отличаются мощной, стройной фигурой и правильными чертами лица. Черные, курчавые волосы падаютъ на высокій лобъ красными кольцами, изъ подъ которыхъ лукаво сверкають жгучіе, выразительные глаза.

Красивой вѣншности мужчинъ соотвѣтствуетъ и ихъ очень эффектный костюмъ: надѣтая на бекрень черная барашковая шапка съ звѣздообразной мѣдной бляхой на верху; короткая (только до шароваръ) ситцевая, а то и шелковая блузка, или бархатная куртка съ расшитой золотомъ грудью и черные шерстяные или бархатные шаровары, соединенные съ блузкой широкимъ, затканымъ золотомъ, поясомъ, или же простымъ, ярко-краснымъ кушакомъ. Видъ у всѣхъ этихъ туземцевъ очень самодовольный, и ходять-то все они уперши «руки въ боки»; народъ видимо, очень избалованный, особенно тѣ, которые ремесломъ себѣ избрали—быть проводниками.

Но довольно уже о мѣстныхъ обитателяхъ татарскихъ переулковъ. Послѣдніе оставляють у прїѣзжаго не особенно прїятное впечатлѣніе, такъ какъ экипажъ, двигаясь по этимъ узкимъ, извилистымъ переулкамъ, съ трескомъ ежеминутно подсакиваетъ и накрепчается то на одинъ, то на другой бокъ, палетая на валяющіеся по дорогѣ камни, выбитые бурными дождевыми потоками; и въ это

время ужь старательно позпруешь въ экипажѣ, чтобы зубы и кости остались цѣлы.*)

Наконецъ, прїѣхали мы въ самую Алупку. Уличная жизнь развита здѣсь, повидимому, мало. Только на базарной площади, около магазиновъ толпятся кучки народа, да въ кофейняхъ, или около пихъ благодуществуютъ правовѣрные, поджавъ подъ себя ноги и увлекаясь кальяномъ.

Закусивъ въ гостинницѣ и оставивъ тамъ свои вещи, я отправился на поиски себѣ комнаты, при чемъ мнѣ воочію пришлось убѣдиться, какія высокія цѣны на все: за комнату, за столъ и пр. ца-

*) Въ настоящее время эта дорога по качеству не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что было десять лѣтъ тому назадъ; да и вообще Алупка, какъ селеніе и курортъ, сильно измѣнилась за этотъ десятилѣтній періодъ и измѣнилась, нужно замѣтить, къ лучшему во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, паркъ, этотъ „гвоздь Алупки“, производитъ еще болѣе благоприятное, чѣмъ ранѣе, впечатлѣніе своей замѣчательной чистотой, что можно отмѣтить и относительно вообще Алупки. Оздоровленію почвы, окружающаго воздуха и вообще гигиѣнности этого курорта сильно содѣйствуетъ теперь устроенная вездѣ канализація, результатъ дѣятельности мѣстнаго „Общества благоустройства Алупки“, устроившаго, кромѣ того, водопроводъ, освѣщеніе (даже на отдаленныхъ улицахъ) и курзалъ въ паркѣ. Въ послѣднемъ же (на берегу моря) прекрасно оборудовано теперь ванное заведеніе, функционирующее почти круглый годъ. Кромѣ того, въ Алупкѣ въ настоящее время гораздо болѣе врачей, практикующихъ здѣсь и зимой. Слѣдуетъ, наконецъ, отмѣтить и то, что теперь непосредственно изъ Алупки устраиваются (конторой извозчиковъ) экскурсіи по прекраснымъ окрестностямъ описываемаго курорта, который по справедливости можно считать симпатичнѣйшимъ на южномъ берегу Крыма. Вполнѣ естественно поэтому, что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе растетъ количество новыхъ дачъ, особенно по направлению къ Симеизу. Въ этой же части Алупки, на высокомъ, открытомъ мѣстѣ, близъ кладбища выдѣляется на фонѣ скалъ новый, величественный храмъ.

рять на южномъ берегу Крыма. Послѣ долгихъ мытарствъ мнѣ удалось, наконецъ, найти подходящую комнату въ одной изъ дачекъ въ верхней улицѣ, и я, не теряя времени, водворился въ ней, чтобы отдохнуть, наконецъ, послѣ шестидневнаго пути отъ Казани.

Своимъ выборомъ дачи въ Алупкѣ я былъ очень доволенъ и никогда потомъ не раскаявался въ немъ. Небольшой съ террасой домъ окруженъ былъ съ трехъ сторонъ садомъ; подъ окнами пышно цвѣтутъ олеандры и розы и заманчиво качаются золотистыя гроздья вьющагося винограда. Окна комнаты обращены на югъ. Предъ глазами, внизу пестрѣетъ Алупка и разстилается безпредѣльная, нѣжно-голубая морская равнина, оживляемая пароходами и парусными судами, кажущимися издали гигантской птицей, распластавшей надъ водой свои бѣлыя крылья. Видъ вообще чудный, просто глазъ бы не оторвалъ!.

Хорошенько отдохнувши послѣ дороги, я началъ мало-по-малу болѣе основательно знакомиться съ Алупкой, и при этомъ всѣми ея красотою былъ очарованъ не менѣе, чѣмъ и общимъ ея видомъ.

Однимъ изъ главныхъ украшеній Алупки служить дворецъ князя Воронцова съ прилегающимъ къ нему громаднымъ паркомъ (до 150 десятинъ). Усиливать красоту этого величественнаго дворца (въ

арабскомъ стилѣ) рука человѣка заставила и саму природу: высокія башенки и мощныя, словно крѣпостныя, стѣны его покрыты въ одномъ мѣстѣ почти непроницаемой сѣтью темно-зеленаго плюща, въ другомъ-громадными, въ нѣсколько саженъ высоты, вьющимися розами самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ; двое же дворцовыхъ воротъ и стѣны около нихъ разукрашены роскошными нѣжно-лиловыми кистями глициній, толстые и извилистые стволы которыхъ съ богатою зеленью, плотно прильнули къ стѣнамъ. Отъ подобныхъ декоративныхъ растений характеръ дворца, мрачно-величественнаго, пріобрѣтаетъ еще болѣе поэтичности и привѣтливости.

Замѣчательнѣйшею, по красотѣ и оригинальности частию дворца является его фасадъ, обращенъ онъ къ морю и украшенъ вверху по краямъ зубцами и перилами изъ крымскаго порфира. Къ центральной же части его прилегаетъ, такъ называемая, „Львиная“ терраса съ углубленной внутрь дворца высокой, полукруглой нишей съ воздушными балкончиками и порфировыми колоннами, отъ которыхъ прелестно оттѣняются бѣлыя стѣны ниши съ тонкими, какъ кружева, скульптурными украшеніями изъ бѣлаго мрамора. А въ глубинѣ ниши высоко вверху по овалу вырисовывается арабская надпись крупными золотыми буквами. Эта пиша и есть знаменитая „Альгамбра“ Воронцовскаго дворца, одна изъ главныхъ достопримѣчательностей на южномъ берегу Крыма. Ея изящная красота и открываю-